

СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ РУБИНШТЕЙН

ЛИДЕР ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
(1889–1960)

С.Л. Рубинштейн — один из крупнейших отечественных философов и психологов — получил философское образование (1909–1913) и защитил докторскую диссертацию (1913) в Германии — в Марбурге¹. По возвращении на Родину в Одессу после смерти известного философа и психолога Н.Н. Ланге он в 1922 г. возглавил кафедру психологии в Одесском университете. С.Л. Рубинштейна интересовали проблемы методологии науки, прежде всего соотношения гуманитарного и точного знания. Он был блестящим знатоком не только мировой философии, психологии, социологии, биологии, но и математики, физики и других точных наук, к тому же владел несколькими иностранными языками.

Следует заметить, что российская культура, включая литературу и психологию, всегда отличалась философско-методологической направленностью. Исторически сложилось так, что по способу продуцирования идей и гипотез, по способу мышления ученых и оформлению самого психологического знания отечественная психология во многом оказалась дисциплиной философской и теоретической. Но тем самым она была обречена на рассмотрение мировоззренческих и идеологических вопросов, небезопасных во все времена для судьбы не только отечественной науки, но и самого исследователя.

Заявленное недавним доктором Марбургского университета направление методологии науки не было принято в Одессе ортодоксальной профессурой. С.Л. Рубинштейн был вынужден уйти с заведования кафедрой психологии Одесского университета и занять должность директора Одесской научной библиотеки, книгохранилища которой стали для него в 20-х гг. вторым университетом, своеобразной академией дальнейшего совершенствования, поскольку (как он сам впоследствии писал) ему было даровано время для творчества, совершенно не зависящего от каких-либо рамок и ограничений.

Этот период малоизвестен, так как в 20-х гг. Сергей Леонидович практически не имел возможности публиковать свои труды. Исключение представляет лишь работа «Принцип творческой самодеятельности»², бывшая одной из глав большой рукописи. В этой новаторской программной статье заложены исходные основы того общеметодологического подхода, который теперь называется субъектно-деятельностным. Его сущность была выражена в 1922 г. следующим образом: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно

¹ См.: Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.

² Ученые записки высшей школы г. Одессы. 1922. Т. II.

определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого. На этом только зиждется возможность педагогики, по крайней мере педагогики в большом стиле»³. Деятельность в этой статье характеризуется прежде всего следующими особенностями: 1) это всегда деятельность субъекта (т. е. человека, а не животного и не машины), точнее, субъектов, осуществляющих совместную деятельность; не может быть бессубъектной деятельности; 2) деятельность есть взаимодействие субъекта с объектом, т. е. она необходимо является предметной, содержательной; 3) она всегда — творческая и 4) самостоятельная. Заметим, что самостоятельность здесь вовсе не противостоит совместности. Напротив, именно в совместной деятельности реализуется ее самостоятельность. С.Л. Рубинштейн в своих рассуждениях исходил из того, что учение, например, есть совместное исследование учителя и ученика.

Общей предпосылкой разработанных им впоследствии методологических принципов психологии личности, единства сознания и деятельности, развития, индивидуального и общественного была философско-психологическая концепция, оригинальная философская парадигма, осмысленная им в период директорства в одесской библиотеке. Анализируя различия методов познания естественных и гуманитарных наук в контексте идей марбургской школы, он находит ключ к методу исследования проблемы познавательной деятельности субъекта. Посредством введения субъекта в структуру бытия он доказывает объективность этой деятельности. Рубинштейном утверждается онтологический статус субъекта.

Исходные для общей системы философско-психологических воззрений положения С.Л. Рубинштейна получили свое развитие в последующие периоды его творчества, с особой же глубиной — в московский период.

«Эмигрировать» из родной Одессы (в Ленинград) С.Л. Рубинштейну удалось только в 1930 г. Он стал заведующим кафедрой психологии в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена. Назначение состоялось благодаря поддержке авторитетного в то время крупного ленинградского психолога М.Я. Басова, который (под влиянием Рубинштейна, по свидетельству Е.О. Зейлигер-Рубинштейн, и его статьи 1922 г. «Принцип творческой самодеятельности») с середины 20-х гг. тоже начал разрабатывать проблему деятельности. Данная проблема в то время была чуждой для остальных советских психологов. Вот почему директор Московского института психологии К.Н. Корнилов — автор реактологии (учения о реакциях, а не о действиях и поступках человека) — не принял Рубинштейна в этот институт.

Крупным событием в разработке методологических основ психологической науки в нашей стране стала публикация программной работы Сергея Леонидовича «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (1934). В ней, отвергнув эклектические попытки соединить субъективную психологию сознания с трактовкой поведения как совокупности реакций на внешние раздражители, Рубинштейн в качестве приоритетной выдвинул категорию действующего субъекта как конкретной сознательной исторической личности. Именно на этой основе утвердился принцип единства сознания и деятельности, ставший ведущим для нового периода в развитии отечественной психологии.

Согласно этому принципу, человек и его психика (в частности, сознание) формируются, развиваются и проявляются изначально в практической деятельности. А потому и изучаются они прежде всего через проявление в такой деятельности (игровой, учебной, трудовой и т. д.). Так Рубинштейн конкретизировал идущую еще от Гёте общую идею: вначале было дело (а не слово).

³ Там же. С. 153.

Обосновав принцип единства сознания и деятельности, Рубинштейн положил конец прежним дискуссиям о соотношении сознания и поведения, которые в течение ряда лет велись в нашем психологическом сообществе, и дал методологический анализ кризиса в мировой психологии. В частности, он раскрыл несостоятельность проекта преодоления кризисной ситуации, который был предложен австрийским психологом Карлом Бюлером, считавшим, что необходимо соединить в некое целое три направления в психологии: интроспекционизм, бихевиоризм и культурно-историческую психологию. Заметим в связи с этим, что одной из важнейших личностных характеристик творчества Рубинштейна являлась его способность охватить всю панораму мировой психологической науки, как в ее деталях, так и в общих тенденциях развития. Это позволяло ему избежать провинциализма в оценках, которым порой грешили наши психологи. Отечественная и западная психология выступали перед его умственным взором не как антагонисты, а как различные направления мировой психологической мысли.

В дальнейшем такой подход ему дорого обошелся. В эпоху пресловутой борьбы против космополитизма он подвергся жестокой и совершенно необоснованной критике, на чем некоторые невежественные философы и психологи пытались сделать карьеру.

Понимая необходимость подготовки молодого поколения психологов, Сергей Леонидович пишет и публикует в Москве (1935) психологический труд, обобщивший состояние мировой и отечественной психологической науки на рубеже 20–30-х гг. Этот первый в то время общий курс психологии был составлен им не в виде академической монографии, а как учебное посо-

бие для преподавателей и студентов⁴. Этот новаторский учебник оказал существенное влияние на характер изучения малопопулярной в те годы дисциплины. Именно С.Л. Рубинштейну принадлежит инициатива преподавания ее не только в педагогических учебных заведениях, но и в университетах (на философском факультете). С введением ученых степеней С.Л. Рубинштейн первым в стране получил ученую степень доктора педагогических наук (по психологии). В 1940 г. в Учпедгизе вышел его фундаментальный труд «Основы общей психологии»⁵, который до сегодняшнего дня остается удивительным кладом знаний как для опытных, так и для начинающих ученых.

Еще будучи в Ленинграде (до весны 1942 г.), Рубинштейн поддерживал тесные творческие связи с рядом московских психологов, некоторые из которых потом тоже начали разрабатывать проблему деятельности: А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов и другие.

По свидетельству М.Г. Ярошевского, в Ленинград «к Рубинштейну в его двухкомнатную квартиру на Садовой приходили делиться своими замыслами Выготский и Леонтьев, Ананьев и Рогинский. Приезжали на его кафедру Лурия, Занков, Кравков и другие»⁶. Для чтения лекций студентам Рубинштейн приглашал из Москвы Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. Не разделяя точку зрения Выготского, он подробно обсуждал ее во время их встреч.

В свою очередь, приезжая в Москву, Сергей Леонидович активно общался с психологами-«деятельностниками»: Б.М. Тепловым, А.Н. Леонтьевым и другими. А.В. Запорожец рассказывал, что эти беседы и обсуждения проходили обычно не в Институте психологии, а в Центральном парке культуры и отдыха им. А.М. Горького, так как директор и большинство сотрудников института относились отрицатель-

⁴ Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М., 1935.

⁵ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940; 2-е изд. М., 1946; 3-е изд. М., 1989.

⁶ Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд. М., 1985. С. 519.

но или равнодушно к проблеме деятельности. По той же причине Б.М. Теплову и А.Н. Леонтьеву было бы трудно или даже невозможно защищать свои докторские диссертации в Москве. С.Л. Рубинштейн пригласил их «защищаться» в Ленинград, к себе на кафедру, и согласился стать одним из официальных оппонентов. (Впоследствии оказалось, что тем самым Рубинштейн спас жизнь Леонтьеву, которого — как доктора наук — в начале войны отозвали из народного ополчения обратно в Москву. Другой крупный психолог — Л.М. Шварц, бывший в народном ополчении, погиб в октябре 1941 г., защищая Москву.

Приведем еще один пример сотрудничества Рубинштейна с московскими психологами в 30-е гг. В 1938 г. в Москве вышло учебное пособие для педвузов «Психология» (под ред. К.Н. Корнилова, Б.М. Теплова и Л.М. Шварца). В предисловии к этой книге было отмечено, что раздел о развитии и воспитании эмоций заимствован из рукописи будущего нового издания монографии С.Л. Рубинштейна «Основы психологии».

Созданная С.Л. Рубинштейном кафедра стала крупным и, можно сказать, уникальным как образовательным, так и исследовательским центром, приобретшим высокий авторитет в научном сообществе, притом среди не только психологов-профессионалов, но и ученых других специальностей — биологов (в частности, постоянную связь с кафедрой поддерживал преемник И.П. Павлова — академик Л.А. Орбели), историков, филологов, математиков. (Заметим, что сам Сергей Леонидович принимал участие в дискуссиях о природе математического знания, излагая оригинальные взгляды на число и операции с ним.) Умение соотносить данные различных дисциплин придавало своеобразный интегративный стиль мышления Рубинштейна, что сказывалось и на анализе психологических проблем, «пограничных» с другими науками.

Большую исследовательскую работу, сосредоточенную по преимуществу на анализе философских проблем, Сергей Леонидович успешно

совмещал с не меньшей по объему научно-организаторской работой. Своей деятельностью он являл удивительный образец сочетания таланта научного лидера и лидера-организатора. Так обстояло дело и в Ленинграде, где он был руководителем огромного, с тысячами преподавателей и десятками тысяч студентов Педагогического института. Так было и в Москве, где он успешно возглавлял работу нескольких крупных центров — отделения и кафедры психологии МГУ, Психологического института и Института философии АН СССР. Во всех этих известных всей стране учреждениях он не просто занимал должность, а определял программу и направленность их деятельности. И в то же время ему приходилось решать текущие вопросы (включая хозяйственные). Нельзя не удивляться тому, как это сочеталось с научным творчеством, плоды которого теперь признаны классическими. К этому следует добавить активное участие С.Л. Рубинштейна в общественной жизни — в предвоенные годы в Ленинграде, а затем в Москве.

Он был избран депутатом такого крупного городского Совета, как Ленинградский, что прибавило ему новых обязанностей. К нему на дом приезжали представители различных предприятий за советом и помощью не просто как к депутату, а как к специалисту по психологии. Сергей Леонидович в беседе с одним из нас сетовал на слабость психологии перед лицом тех жизненных проблем, с которыми сталкиваются люди, и поэтому, как он говорил, ему обычно приходилось полагаться не на данные науки, а на собственный опыт. Он с предельным вниманием и доброжелательностью относился к каждой просьбе, что поглощало немалую часть времени, которое он мог бы отдать науке.

В Москве он был тесно связан со многими учреждениями, на которые в первые послевоенные годы возлагались важные организационные функции. В частности, по просьбе председателя Комитета по высшей школе Кафтанова он консультировал руководителей высших учебных заведений столицы по вопросам, касающимся

Институт философии РАН
Волхонка, 14

налаживания в трудных условиях тех лет научных исследований, связанных с обучением.

С.Л. Рубинштейн выступал также на организованных Наркомпросом совещаниях директоров средних школ Москвы, обсуждая с позиций психолога вопросы обучения, воспитания, умственного развития (наибольшее внимание Сергей Леонидович уделял развитию мышления и речи).

В 30–40-е гг. в результате методологических, теоретических, экспериментальных и прикладных исследований были созданы первые и очень разные варианты теории деятельности, разработанные С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Б.М. Тепловым, А.А. Смирновым, Б.Г. Ананьевым и многими другими. Это было возможно,

конечно, только в психологии, которая, в отличие от философии, истории и других наук, находилась не в центре, а на периферии официальной идеологии. В условиях сталинского тоталитаризма философы не могли развивать категорию деятельности, поскольку она отсутствовала в «философском» лексиконе главного «философа» страны — Сталина.

Это было трудное для науки время. С одной стороны, уже в 30-е гг. многие советские психологи (прежде всего психотехники, т. е. специалисты в области психологии труда) были арестованы, сосланы, а некоторые даже расстреляны; ряд важнейших отраслей психологии попал под запрет (например, психоанализ, педология, социальная, историческая, юридическая и т. д.

психология). Невосполнимый урон науке нанесли идеологические кампании, связанные с лысенковщиной, с так называемой «павловской» сессией АН СССР и АМН СССР в 1950 г., с псевдодискуссиями в философии, биологии, языкознании, политэкономии, с борьбой против космополитизма и т. п.

Но, с другой стороны, даже в этих условиях многие советские психологи мужественно и успешно продолжали развивать науку. С 1943—1944 гг. психология упрочила свое положение в системе учреждений тогда Академии педагогических наук РСФСР. В состав этой академии вошел организованный еще Г.И.Челпановым в 1912—1914 гг. Психологический институт — старейший в нашей стране. Осенью 1942 г. Сергей Леонидович стал его директором. Ситуация с институтом была не простой. В первые же дни войны его директор К.Н. Корнилов передал печать и официальные документы техническому секретарю В.Я. Букшеванной и улетел на родной Алтай, бросив коллектив на произвол судьбы. Сотрудники, не зная, что делать, сами выбрали директора (А.Н. Леонтьева), который организовал эвакуацию коллектива в составе МГУ в Ашхабад, а затем в Свердловск. Возглавив в Москве институт, репутация которого как исследовательского учреждения перед войной сильно упала, С.Л. Рубинштейн стал собирать научные силы. Он был мастером консолидации ученых, представлявших различные направления. Институт быстро окреп. Вернулись из эвакуации и стали работать в нем те, кто прежде успешно вел здесь исследования: Б.М. Теплов, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов, П.А. Шеварев, А.Н. Соколов и другие. Заседания Ученого совета под председательством С.Л. Рубинштейна стали настоящим праздником научной мысли. В них принимали участие не только психологи-профессионалы, но и многие известные представители московской интеллигенции. Среди них можно было встретить кинорежиссера С.М. Эйзенштейна, генерал-лейтенанта писателя и дипломата А.А. Игнатъева и других. Вскоре, однако, Президиум Академии педаго-

гических наук решил избавиться от Сергея Леонидовича, обвинив его в инакомыслии. В кабинете С.Л. Рубинштейна появился бывший директор института, ставший после возвращения с Алтая вице-президентом АПН, К.Н. Корнилов с распоряжением об увольнении Сергея Леонидовича с поста директора. Между ними состоялся разговор и по поводу теоретических расхождений. Корнилов утверждал, будто между его реактологией и концепцией деятельности, которую развивал Сергей Леонидович, существенных различий нет, ибо то, что он — Корнилов — называет «реакцией», ничем не отличается от понимания действия как акта деятельности. В ответ на это Сергей Леонидович заметил, что расхождение существенное и принципиальное, поскольку понимаемое им под действием — это не реакция, а акция субъекта.

В 1945 г. психологическая наука впервые получила «прописку» в высшем научном учреждении страны — Академии наук СССР в Москве. Этим качественно новым этапом своего официального оформления и развития психология обязана прежде всего С.Л.Рубинштейну, его выдающемуся таланту ученого, лидера и организатора науки.

Краткая хронология тех событий такова. Как уже говорилось, в 1940 г. Рубинштейн опубликовал свой первый фундаментальный труд «Основы общей психологии», который утверждал субъектно-деятельностный подход в психологии и соответствующую теорию, опирающуюся на многочисленные экспериментальные исследования. «Основы...» сразу же получили заслуженное признание у большинства психологов. Когда началась Великая Отечественная война, С.Л. Рубинштейну, как и другим крупным ученым, предложили эвакуироваться, но он решил остаться в осажденном Ленинграде, считая своим гражданским долгом в качестве проректора (при отсутствии ректора) организовывать работу коллектива Педагогического института им. А.И. Герцена в суровых условиях вражеской блокады.

Сохранилось множество свидетельств мужества С.Л. Рубинштейна в этих нечеловеческих условиях. Его аспирант Г. Лосев погибал в одном из госпиталей, расположенном далеко от центра города. Сергей Леонидович, преодолевая физическую слабость, шел в суровые декабрьские дни пешком (как известно, трамваи тогда не ходили) через весь город, чтобы отдать Лосеву часть своего скудного пайка. Начальник дружины по охране института Ася Львовна Чаплина рассказывала, как однажды Сергей Леонидович вызвал ее и попросил отвести в тир, где бы он мог научиться, несмотря на сильнейшую близорукость, стрелять из пистолета и ружья, чтобы, если фашисты ворвутся в город (в то время бои шли в пригородах), принять участие в обороне. В первую и самую тяжелую блокадную зиму (1941–1942) он работал над вторым изданием своих оригинальных «Основ общей психологии», существенно дополняя, развивая и улучшая их первый вариант.

С.Л. Рубинштейн организовал работу психологов, вносивших свой вклад в оборону города (маскировка здания и т. д.), а в марте 1942 г. в качестве начальника эшелона он руководил эвакуацией пединститута на юг страны. Впоследствии он рассказывал, что известная писательница Вера Панова использовала в своем романе «Спутники» многие эпизоды из истории этого эшелона.

В апреле 1942 г. первое издание его «Основ...» было удостоено высшей в то время — Сталинской — премии. Книга была представлена рядом психологов, а также выдающимися учеными В.И. Вернадским и А.А. Ухтомским, давно и глубоко интересовавшимися проблемами психологии, философии и методологии. В 40-е гг. присуждение премий в большинстве случаев объективно выражало общественное признание бесспорных достижений и заслуг многих выдающихся деятелей науки, техники и искусства.

Сталинские лауреаты обладали тогда большим авторитетом в государственных органах и широких кругах общественности и поэтому

могли до некоторой степени влиять на ход событий в сфере своей профессиональной деятельности. Вот почему 1 октября 1942 г. беспартийный С.Л. Рубинштейн был назначен директором Московского института психологии. Будучи заведующим кафедрой психологии в МГУ, он пригласил на работу в университет многих москвичей (А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурию, Б.М. Теплова и др.), своих ленинградских учеников (А.Г. Комм, Д.М. Красильщикову, М.Г. Ярошевского и др.), а также харьковских учеников А.Н. Леонтьева (П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца и др.). Первый в МГУ выпуск дипломированных психологов состоялся в 1948 г.

В 1943 г. С.Л. Рубинштейна избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР, в чем выразилось социальное признание психологической науки. Ранее ни один психолог не удостоивался этого звания. Сергей Леонидович находит поддержку в академических кругах, устанавливает контакты с крупными физиками, биологами, физиологами, филологами, искусствоведами и другими учеными, доказывает своими устными выступлениями и печатными трудами огромную роль науки, которую он представлял в обществе и системе всех наук.

С.Л. Рубинштейн поддерживал творческие контакты с известными историками — Е.А. Косминским и Е.В. Тарле, с лингвистом академиком В.В. Виноградовым, физиологами академиками Л.А. Орбели, и И.С. Бериташвили, кинорежиссером С.М. Эйзенштейном, физиком А.З. Петровым, искусствоведами Б.Р. Виппером, В.М. Жирмунским и другими. При их содействии в Академии наук был организован Сектор психологии (в Институте философии), ставший первым академическим центром психологических исследований. Хотя сектор был частью института, призванного разрабатывать проблемы философии, Сергей Леонидович, вновь проявив талант научного лидера, способного объединить исследователей различных направлений, построил программу работы сектора таким образом, чтобы она охватывала

широкий круг тем, в том числе не имевших прямого отношения к профилю института, но принципиально важных для психологической науки. Психофизиологическая проблематика в секторе разрабатывалась такими крупными учеными, как С.В. Кравков и Н.А. Гарбузов, а зоопсихологическая — всемирно известной исследовательницей Н.Н. Ладыгиной-Котс. Здесь проводились заседания с участием ведущих психологов столицы, представлявших различные научно-исследовательские учреждения, в том числе Московский психологический институт, ряд сотрудников которого (Б.М. Теплов, Ф.Н. Шемякин) работали также и в секторе. На базе этого сектора С.Л. Рубинштейн надеялся организовать Институт психологии АН СССР.

Таким образом, Сергей Леонидович в этот период объединил ученых разных направлений и школ. Это была интеграция высшего психологического образования, трех московских психологических центров (Сектора психологии в Институте философии, кафедры психологии в МГУ и старейшего Института психологии, директором которого С.Л. Рубинштейн был в 1942—1945 гг.).

Наряду с давними сотрудниками школы Сергея Леонидовича (Красильщикова, Комм, Рогинский, Шифман и другие) в секторе было представлено новое поколение психологов (Е.А. Будилова, А.Я. Маркова, Г. Гуртов, Л. Селецкая, Е.Н. Соколов, А.Г. Спиркин, Е.В. Шорохова, А.Л. Ярбус, М.Г. Ярошевский и другие). На заседании кафедры МГУ и сектора С.Л. Рубинштейн приглашал с докладами украинских, армянских, грузинских психологов (А.С. Прангишвили, А.Т. Бочоришвили, Г.С. Костюк и др.). Особо следует отметить исследования докторанта Ш.Н. Чхортишвили, который представил новаторскую трактовку воли, поддержанную Сергеем Леонидовичем.

Теоретические и экспериментальные исследования в секторе проводились по четырем основным направлениям: 1) общая психология (психология личности, познания и сознания); 2) психофизиология; 3) генетическая психоло-

гия; 4) история психологии. По проекту С.Л. Рубинштейна в Институте философии на верхнем этаже были построены специальные изолированные помещения для проведения экспериментов с помощью новейшей аппаратуры, полученной (по репарациям) из Германии.

Однако в ход дел научных ворвались дела идеологические. В 1947 г., когда в издательстве АН СССР уже была сверстана новая книга С.Л. Рубинштейна «Философские корни психологии», само название которой выражало стремление автора осмыслить связь психологии с философией и разработать методологические, операциональные принципы применения философских положений в психологии, началась кампания по борьбе с космополитизмом. Ее главной жертвой в психологии стал С.Л. Рубинштейн. Набор книги был рассыпан на основании того, что число цитируемых зарубежных авторов превышало число отечественных (по страшному стечению обстоятельств в это же время прекращено издание книг его талантливых братьев — историка Н.Л. Рубинштейна и биолога Д.Л. Рубинштейна, через три дня скончавшегося на руках Сергея Леонидовича).

Так одной политической фразой о «неблагонадежности» были зачеркнуты усилия ученого, всю жизнь заботившегося о развитии отечественной психологии. Добавим к этому, что еще в 20-е гг., неоднократно выезжая в научные командировки в Германию, он принципиально отказывался стать «невозвращенцем».

Наряду с другими крупнейшими учеными С.Л. Рубинштейн оказался жертвой различных репрессий, направленных не только против космополитизма, но и против целых наук (психологии, генетики и др.), связанных с проблемами развития. На знаменитой «павловской» сессии (1950) психологию было предложено заменить физиологией — учением об условных рефлексах (это учение пытались истолковать по принципу внешней заданности поведения и деятельности). Ведущий отечественный психолог был снят со всех постов, а публикация его трудов была запрещена. Вскоре сектор закрыли, поскольку

черере «заместителей» С.Л. Рубинштейна не удавалось справиться с руководством.

Однако все эти удары не сломили ученого. Сохраняя верность философским устремлениям, Сергей Леонидович с конца 40-х гг. больше всего размышляет о природе детерминации психического, желая противопоставить принципу внешней детерминированности поиск внутренних детерминант и специфических закономерностей психики. Результатом этих размышлений явилось новое понимание детерминизма, в котором подчеркивалась не привычная причинно-следственная зависимость, а опосредованность внешних воздействий внутренними, специфическими закономерностями любых явлений и сущностей. Первая глава его новой, в основном философской книги «Бытие и сознание» (1957) раскрывала онтологический статус психического, его специфический способ существования. Ученый «реабилитировал» проблему личности, фактически исчезнувшую с горизонта психологической науки того времени.

После смерти Сталина постепенно начались реабилитация и восстановление в правах оставшихся в живых бывших «космополитов», «антипавловцев» и т. д. — П.К. Анохина, Н.А. Бернштейна, Л.А. Орбели, С.Л. Рубинштейна и других. В мае 1956 г. при поддержке нового Президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова С.Л. Рубинштейн добился восстановления Сектора психологии в Институте философии и принял на работу наряду с прежними сотрудниками (Н.Н. Ладыгина-Котс, Е.В. Шорохова и др.) своих новых учеников: Л.И. Анцыферову, Е.А. Будилову, Ф.А. Сохина, затем К.А. Славскую (ныне Абульханову), А.В. Брушлинского и др. Под его непосредственным руководством возобновились интенсивные целенаправленные исследования в области методологии, теоретической и экспериментальной психологии и истории психологии. На основе нового принципа детерминизма им разрабатывалась оригинальная философско-психологическая концепция человека, его психики, деятельности, поведения и созерца-

ния, теория мышления как деятельности и как процесса и т. д.

И все же страх и дух вражды, посеянный Сталиным, сопровождали до последних дней многих психологов, в том числе С.Л. Рубинштейна, сделавшего все, чтобы собрать вместе психологов и философов и ввести их в мир академической науки, культуры, искусства. (Одной из последних была его встреча с Рубеном Николаевичем Симоновым, к которому он пришел за кулисы после потрясшего его спектакля «Сирано де Бержерак», чтобы просто обнять режиссера, подарившего ему эстетическое и нравственное переживание).

Свою общую принципиальную установку на совместную коллегиальную работу в науке С.Л. Рубинштейн продолжал реализовывать даже после того, как в труднейшие годы (1948—1953) несправедливого осуждения его взглядов многие из коллег приняли участие в этой травле. Особенно тяжело пришлось Рубинштейну в апреле 1949 г., когда его незаслуженно лишили им же созданной кафедры психологии МГУ. Его освободили от обязанностей заведующего кафедрой под предлогом так называемой критики его «Основ общей психологии» как космополитической книги.

В прежней должности Рубинштейна не восстановили даже после 1953 г., когда с него были сняты все прежние несправедливые обвинения. Тем не менее, вернувшись к нормальной научной деятельности, он по-прежнему ставил во главу угла интересы общего дела, интересы науки и практики и им подчинил свое творчество и взаимоотношения с коллегами. Во второй половине 50-х гг. С.Л. Рубинштейн вместе с другими лидерами в психологии (Б.М. Теплов, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов, Б.Г. Ананьев, А.Р. Лурия и т.д.) очень активно и плодотворно участвовал в укреплении и развитии нашей науки. Совместными усилиями широко развернулись теоретические, экспериментальные и прикладные исследования, были созданы журнал «Вопросы психологии» и Общество психологов СССР, подготовлен и проведен I съезд

этого Общества, написан и опубликован новый учебник для пединститутов «Психология», начали восстанавливаться творческие контакты с зарубежными психологами и т. д. Столь значительная совместная деятельность во имя общих интересов науки осуществлялась нашими ведущими психологами, несмотря на существенные теоретические разногласия между ними по целому ряду важных научных проблем.

Сам Сергей Леонидович, стремясь наверстать отнятое у него время, за три года опубликовал одну за другой три монографии: «Бытие и сознание» (1957), «О мышлении и путях его исследования» (1958), «Принципы и пути развития психологии» (1959). Одновременно он начинает работать над последней в своей жизни книгой — «Человек и мир»⁷, получив, наконец, возможность изложить свою философско-психологическую концепцию, сложившуюся у него в 20-х гг. и затем разрабатывавшуюся им на протяжении всей жизни.

К 50-м гг. официальная (марксистская, или советская) философия имела оторванные друг от друга разделы: о природе, обществе и мышлении, где сознание само отражало мир, а общественные отношения и деятельность сами осуществляли себя. Трудami Сергея Леонидовича был достигнут переход от этой обезличенной, бес- субъектной и последовательно безликой парадигмы к антропоцентрической, субъектной. В то время, когда еще даже не употреблялись понятия «антропология», «онтология» и т. д., С.Л. Рубинштейн смог противопоставить официальной доктрине оригинальную философскую парадигму. Он первым дал глубокую философско-психологическую и методологическую интерпретацию философии К. Маркса потому, что его (Рубинштейна) мышление развивалось в контексте проблем логики и методологии науки, над которыми билась еще марбургская школа. В работе «Человек и мир» Рубинштейн утверждает: если в познании человек стремится к раскрытию

самой сущности действительности, а в деятельности преобразует мир, то свою собственную сущность человек выражает, в частности, в особой форме психической активности, которую можно обозначить как созерцание.

Можно было бы многое написать о том, как Рубинштейн преодолевал парадигму, поглотившую субъекта и сводящую его к сознанию, как выступил против официально-философского понимания материи, как «осмелился» проанализировать ранние «Философско-экономические» рукописи К. Маркса, как, пользуясь эзоповским языком, он ругал буржуазных социальных психологов ради того, чтобы сохранить саму социальную психологию в отечественной науке, как он писал в книге «Человек и мир» раздел «Мой выход за пределы марксизма» (естественно, не вошедший в издание этой работы в 1973 г.).

Когда в конце 80-х гг. международное философское сообщество на конгрессе в г. Брайтоне объявило «смерти субъекта», оказалось, что в России субъект жив. Именно в отечественной психологии сегодня мы наблюдаем расцвет и торжество этой гуманистической категории. Во многом это связано с творческим наследием замечательного ученого и человека Сергея Леонидовича Рубинштейна. Он не просто провозглашал идею субъекта, а связывал ее с осмыслением тоталитаризма, спрашивал не «что делать?», а «как остаться человеческим в бесчеловечных условиях?». Его трактовка категории «субъект» начала обнаруживать все новое философское, методологическое и конкретно-научное значение уже после смерти С.Л. Рубинштейна, что произошло благодаря появившимся в философии, этике, психологии работам, раскрывающим гносеологический, нравственный и другие аспекты самой категории субъекта. Рубинштейном была открыта перспектива для конкретизации значения этой категории в каждой из гуманитар-

⁷ См.: Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. 2-е изд. М., 1976.

ных наук, а тем самым заложена основа дифференциации и интеграции гуманитарного знания.

В психологии стали использоваться понятия субъекта деятельности, субъекта общения, субъекта жизненного пути (о котором С.Л. Рубинштейн поэтически писал в работе «Человек и мир»).

Научная жизнеспособность Сектора психологии после смерти его создателя, несмотря на множество организационных и научных проблем, питалась огромным потенциалом выдвинутых С.Л.Рубинштейном идей, опиралась на мужество, труд и преданность его соратников и учеников и в конечном итоге проявила себя не только в сохранении и отстаивании, но и в распространении, раскрытии и развитии рубинштейновского наследия. Усилиями коллектива, в соответствии с замыслом его основоположника, в 1962 г. было проведено Всесоюзное совещание по философским проблемам физиологии высшей нервной деятельности и психологии, имевшее целью реабилитировать психологию.

После кончины С.Л. Рубинштейна Сектор психологии в Институте философии возглавила Е.В. Шорохова. В 1971 г. Б.Ф. Ломов организовал в Академии наук СССР Институт психологии, куда был переведен и Сектор психологии. И ныне совсем не случайно то, что программной проблемой для коллектива академического Института психологии, у истоков которого находится и коллектив рубинштейновской лаборатории, стала проблема субъекта. Степень ее разработанности столь велика и детальна, что она оказалась стержневой, породив новые смежные направления — дифференциальную («субъектную») психофизику, проблематику социаль-

ного мышления личности, психосоциальных явлений, исторической психологии и др.

* * *

В дневниковых рукописных фрагментах Сергея Леонидовича Рубинштейна к будущей книге «Человек и мир» есть такие слова: «Самое большое впечатление моей юности до революции — жизнь и смерть Л. Толстого. Не содержание его учения, а именно его жизнь и смерть. Ничего не желал я себе так, как подобной смерти — смерти, которая была бы завершением лучших устремлений жизни и ее оправданием. Мысли о смерти и мое отношение к ней. Смерть моя — для других — остающаяся жизнь после моей смерти — есть мое не-бытие. Для меня самого, т. е. для каждого человека, для него самого — смерть — последний акт, завершающий жизнь. Он должен отвечать за свою жизнь и, в свою очередь, определять ее конечный смысл. Отношение к своей смерти как отношение к жизни»⁸.

Рубинштейн скончался 11 января 1960 г. Это произошло, когда он находился в расцвете творческих сил. Но как бы во исполнение его надежд и устремлений уже три с половиной десятилетия, прошедшие после его ухода из земной жизни, не стирается память о нем. Пожалуй, наоборот. В наше время внутреннего самоопределения каждого человека как субъекта ответственности за принятые решения особенно оказались нужны теории, разработки, идеи этого образованнейшего ученого, глубокого мыслителя. Многие из его идей еще не востребованы и ждут своего развития.

*К.А. Абульханова-Славская,
А.В. Брушлинский,
М.Г. Ярошевский*

⁸ Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. С. 415.